

Во власти менеджеров. Какие перспективы ждут наших учёных-химиков?

23/05/2014

Инна Пальшина

Статья из газеты: Еженедельник "Аргументы и Факты" № 21 21/05/2014

В 90-е годы иркутских химиком приходилось выживать. В наше время проблем в науке все так же много.
© /www.russianlook.com

В канун профессионального праздника химиков о перспективах этой важнейшей науки в нашем регионе рассказал Валерий Станкевич - заместитель директора Института химии СО РАН и доктор химических наук.

Первый в мире препарат от туберкулёза за полвека, незаменимое вещество - пластификатор для производства ядерного топлива, сильнейшие ранозаживляющие средства, лекарство от атеросклероза, в разы превосходящее зарубежные аналоги... Всем этим сибиряки могут гордиться по праву: уникальные в рамках страны и мира разработки принадлежат иркутским химикам.

Список можно продолжить: например, три года назад в Москве вышла книга иркутян «О химии и химиках в шутку и всерьёз» - наш ответ «Занимательной физике» Перельмана. А реакции Воронкова и Трофимова (названные в честь наших земляков-академиков) сегодня занесены во все вузовские учебники. Похвастать этим может не каждый нобелевский лауреат.

Кружок по интересам?

Инна Пальшина, «АиФ-Иркутск»: - Валерий Константинович, сложилось впечатление, что над российской химией сегодня нависло две угрозы: внутренняя - на шумевшая реформа РАН, и внешняя - пресловутые евросанкции. В частности, страны Евросоюза обещали прекратить гарантийное обслуживание сложного оборудования, перестать поставлять нам приборы и запчасти...

Валерий Станкевич. Фото: [Из личного архива](#)

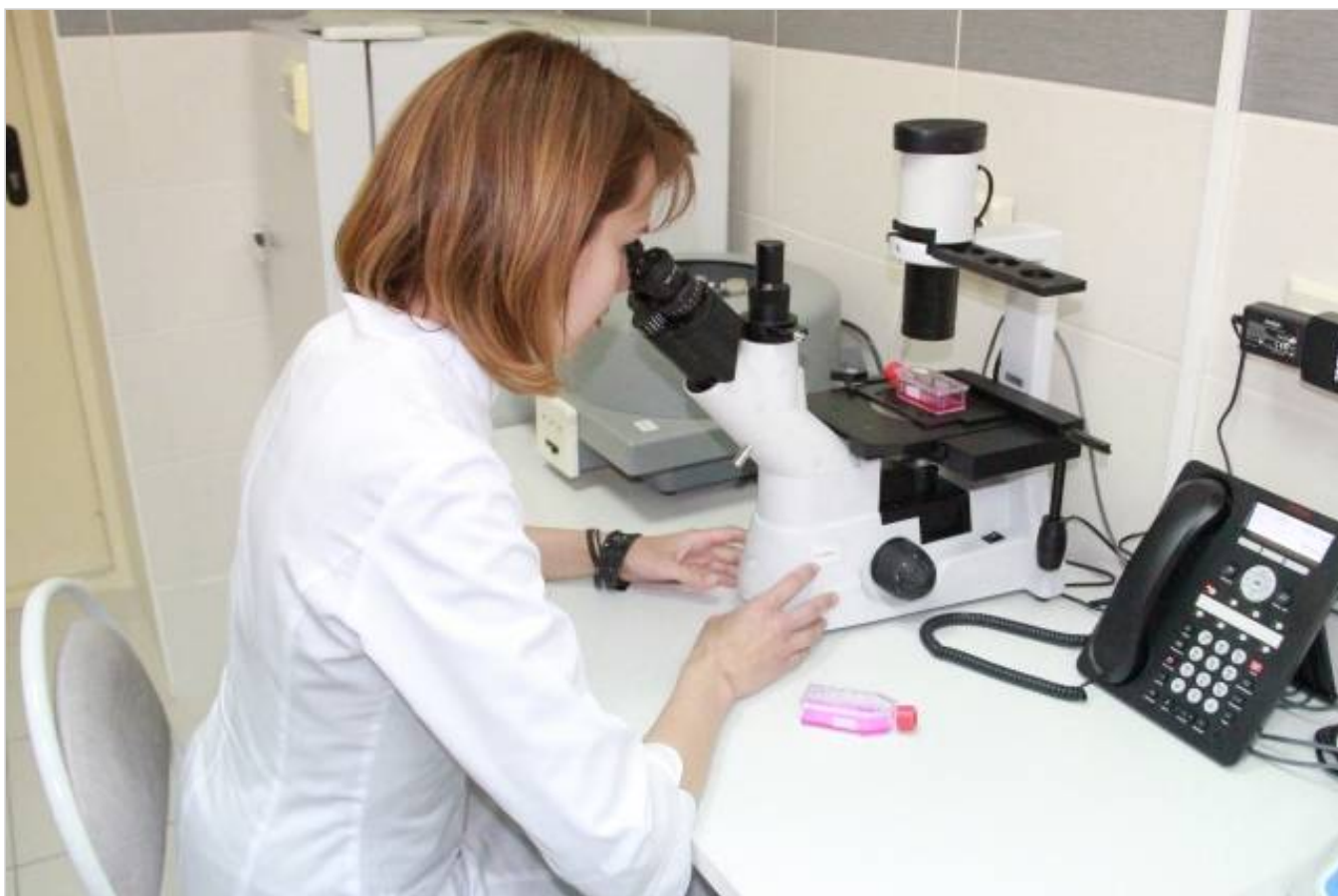
Валерий Станкевич: - Мне кажется, нас только хотели запугать. По крайней мере, сейчас к нам по-прежнему приходит и немецкое, и японское оборудование. Никаких ограничений здесь нет и, надеюсь, не появится. Да и производители, скорее всего, понимают, что потеряют серьёзные деньги, если прекратят сотрудничать с Россией. А что касается реформы Академии, увы, здесь сбываются худшие опасения. Сибирское отделение РАН по большому счёту превратилось в тот самый «кружок по интересам». Всё имущество от гаражей до письменных столов и пробирок теперь принадлежит Москве, столица напрямую будет определять направление исследований. Для этого создано федеральное агентство научных исследований - ФАНО. В его штате должно быть 900 человек, сейчас - 200, и эти люди, видимо, далековаты от науки. Плюс ко всему - мы опасаемся, что новая система свяжет исследователей по рукам и ногам: даже самые пустяковые вопросы будут решаться через Москву, а это может занять месяцы.

- Получается, самые серьёзные, фундаментальные исследования пострадают первыми, как это и предсказывали?

- Боюсь, именно так. В последние годы в стране и без этого виден крен: фундаментальную науку хотят перенести из научных институтов в вузы, по американскому образцу. Но авторы этой идеи забывают, что финансирование всей Академии наук сопоставимо с бюджетом среднего университета в США.

Сейчас многие исследовательские вузы страны получают очень большие деньги, но переварить их могут разве что московские и питерские университеты. Остальные закупают сложнейшее, мощное зарубежное оборудование, но работать на нём некому, и нераспакованные приборы пылятся в коридорах.

- У вузов - деньги, у учёных - интеллект. Неужели невозможно это объединить?

Иркутяне подарили миру и стране не одну уникальную разработку. Фото: [АиФ](#) / Дарья Полянкина

- В Новосибирске есть университет, который с самого начала был ориентирован на то, чтобы его выпускники шли в Академию наук, и преподавали там профессора исследовательских институтов. Но это скорее исключение. Университеты и рады позвать учёных-академиков преподавать, но по всей стране в вузах идёт дикое сокращение, преподаватели работают на полторы-две ставки. И чтобы кого-то пригласить - кого-то нужно уволить.

Своё - дороже?

- Два года назад вы рассказывали о таком парадоксе: иркутские учёные подарили миру больше десяти препаратов, не имеющих аналогов или серьёзно их превосходящих, при этом выпускающихся микроскопическими партиями - в аптеках их не найти. Теперь дать жизнь новым разработкам будет ещё сложнее?

- По большому счёту, думаю, ничего не поменяется. Понимаете, сейчас и так нет связующего звена - отраслевых институтов, которые когда-то занимались внедрением разработок. Поэтому учёным, открывшим какую-то активную молекулу, приходится проходить весь путь вплоть до лабораторных исследований новых препаратов, хотя это уже далеко не их задача. И здесь появляется очередная трудность: чтобы начать широкий выпуск лекарства, на него нужен госзаказ. Но его мы часто не получаем даже на очень хорошие и эффективные препараты. Получается, Минздраву проще заказать за рубежом даже менее действенное средство, чем продвигать отечественное? Мне кажется, это объясняется чьими-то интересами. Если пойти другим путём и самим широко рекламировать средство, на это уйдут миллиарды.

- Уже несколько лет идут разговоры о создании в Иркутске фармкластера, который объединит учёных и бизнесменов. Как думаете, это поможет решить проблему?

Наши химики не почувствовали на себе европейских санкций. Фото: АиФ / Николай Кривич

- Думаю, в какой-то мере - да. Быть может, найдутся инвесторы, которые будут заинтересованы наладить выпуск лекарств, а потом получать за это деньги. Многих сегодня сдерживает то, что такие вложения не дают сиюминутной прибыли, иногда нужно подождать и десять лет. Но есть очень перспективные разработки: например, препарат «Агсулар», который уже прошёл лабораторные испытания. Это единственный отечественный препарат от атеросклероза, и он будет чрезвычайно востребован. Для создания кластера у нас есть все условия: промышленные площадки - тот же фармацевтический завод в Усолье-Сибирском; люди, которые годами работали на химических предприятиях, медицинские учреждения. К слову, не так сложно даже с нуля создать завод для производства лекарств, соответствующий международным стандартам.

- Расскажите, пожалуйста, ещё об одном направлении работы иркутских химиков - ядерных исследованиях.

- В «нулевых» мы создали пластификатор для производства ядерного топлива - связующее вещество, «пластилин», который помогает придать топливу форму таблетки, в 2005-м наладили его выпуск. На иркутском пластификаторе работают оба российских завода, которые выпускают ядерное топливо, - московский и новосибирский. На этом топливе работают ядерные реакторы в десятке стран - России, Украине, Иране, Китае... Вещество, которое раньше использовалось в качестве пластификатора, быстро изнашивало оборудование - раз в месяц нужно было останавливать производство, чистить печи. Сейчас в разы повысилась производительность, эффективность, безопасность процесса.

- При этом насколько Иркутск сопоставим с другими городами по успехам в области химии?

- Думаю, не будет преувеличением сказать, что наш город - в тройке сильнейших, и это досталось непросто. В девяностые, когда наука по большому счёту никому не была нужна, мы выпускали в лабораториях шампунь, чтобы сохранить институт, и выжили, смогли внедрить разработки, которыми пользуется вся страна. Будет, по крайней мере, обидно, если то, что мы сохранили с таким трудом, сегодня окажется в руках кучки «эффективных менеджеров».